

Таким образом, контаминации на лексическом уровне, взаимодействие на уровне мифологем и характер восприятия реалии создали при калькировании другое видение объекта: у финно-угров в семантике лексической единицы делается акцент на месте обитания; русское сознание маркировало семантику закрученности, вводя тем самым рассматриваемую номинацию и ее объект в круг славянских представлений о вихре.

И.И. Муллонен
Петрозаводск

О двух забытых вепских географических терминах

Основа *važ-*, *vad'ž-* продуктивна в вепском и смежном с ним русском Обонежье в названиях низинных болотистых мест: р. *Vad'žog* (-*og* < *-jogi* 'река'), бол. *Vad'žaso* (-*so* 'болото'), оз. *Vad'žar* (-*ar* < *-järvi* 'озеро'), бол. Вачаг, Важевское болото, р. Важинка и др. Исходя из этого, для них была предложена саамская этимология, ср. саам. *N. vuoč'č'o*, I. *vuačču* 'болото' (Муллонен 1988, 75–76), которая, однако, вступает в противоречие с закономерной для Обонежья передачей саам. *N. uo*, I. *ua* через *o*, отражающее, видимо, прасаамское *o или *ō (*Sol'l'ar*, Солозеро: *sōloj 'остров'; Коткозеро: *kōtkō 'перешеек'; *Sondal*, Сондала: **sōnte-* 'разрезать').

Из истории саамского вокализма известно, что прасаамское *o > *ō генетически восходит к праприбалтийско-финско-саамскому *a, которое сохранилось в неизменном виде в прибалтийско-финской языковой среде: *suolo* 'остров' < *sōloj < *salō, ср. фин. *salō* 'лес, остров'; *guot'ko* 'перешеек' < *kōtkō < *katko, ср. фин. *katko* 'разрыв, промежуток'

В этом ряду прибалтийско-финское соответствие саам. *vuoč'č'o* (< *vōčo < *vačo) должно было бы выглядеть как *vatso → вепс. *vaz, **vad'ž*, *važ – в соответствии с субституцией прибалтийско-фин. *ts* в вепском в интервокальной позиции. Многочисленные топонимические свидетельства в Обонежье, которые могут быть дополнены приладожскими *Vatsakkasuo* (-*suo* 'болото'), *Vatsajärvi* (-*järvi* 'озеро'), *Vad'žikazjärvi*, позволяют предполагать былое бытование термина по крайней мере в вепской языковой среде. Причем, судя по популярности топонимов, лексема могла быть в свое время довольно продуктивной.

Вепская субституция праязыкового *ts отражается в Присвирье и Обонежье вариантами гидронимной основы *raz-* ~ *pad'ž-* ~ *paž-*: руч. *Pazeine* ~ *Pad'žoja* (-*oja* 'ручей') ~ Пазручей вытекает из оз. *Pad'žar* ~ Пажозеро; руч. Паджев ~ Пажев, бол. Пажевские Мхи, руч. Пазру-

чей и др. Этот топонимный ряд позволяет предполагать в вепских говорах ландшафтную лексему, обозначающую болотистое, грязное низинное место, родственную, видимо, северновепскому *pačak* 'грязь' и *paža* 'гной'. Бытование ее подтверждается данными финских говоров, которым хорошо известен термин *patsi* и его диалектные варианты *passa*, *patti* в значении 'грязное болотистое место; лужа; окруженная болотом ламбушка'. Финские диалектные данные в совокупности с вепскими топонимическими дают основания для реконструкции вепского ландшафтного термина, восходящего к прафин. **patsi*.

В соответствии с фонетическими закономерностями его гипотетическое саамское соответствие должно было бы выглядеть как саам. N. **buoč'č'â* < прасаам. **rōčē* < **roče* < праприб.-фин.-саам. **rače*. Реконструкция не подтверждается данными современных саамских языков, однако может быть правомочна в контексте севернорус. *поча* 'низкое, заливаемое водой место; болото; старое речное русло; заросшее озеро'. Возможно, за ним стоит утраченный саамский оригинал. Не исключено, что вепс. (вологодские говоры) *pože* ~ *poža* 'топкое место; лужа; яма на лугу, заполненная водой' также связано с предполагаемым саамским оригиналом.

А.Г. Мусанов
Сыктывкар

Основные закономерности освоения русских топонимов коми языком: проблемы этимологизации (на материале топонимов Верхнего Прилузья)

Верхнее Прилузье находится в юго-восточной части Европейского Севера и включает в себя бассейн р. Луза (притока р. Юг) и верховья р. Летка (притока Вятки).

Территория Верхнего Прилузья исторически была известна как Лузская Пермца. Первое упоминание о ней содержит Жалованная грамота Перми 1485 г. «А что пермяки Лусские Пермцы и Вилегодские, до них Сысоленом и ужговцом дела нет».

Более подробные сведения известны лишь с первой половины XVII в., но, судя по целому ряду фактов, Лузская Пермца уже с XIII в. и особенно в XV в. привлекала внимание Устюга Великого и Московского правительства. Именно во второй половине XV в. Московское правительство стремилось закрепить эти земли в составе Русского централизованного государства. Колонизация земель по р. Юг и в Нижнем Полузье привела в край огромное количество русских, хотя уже в середине